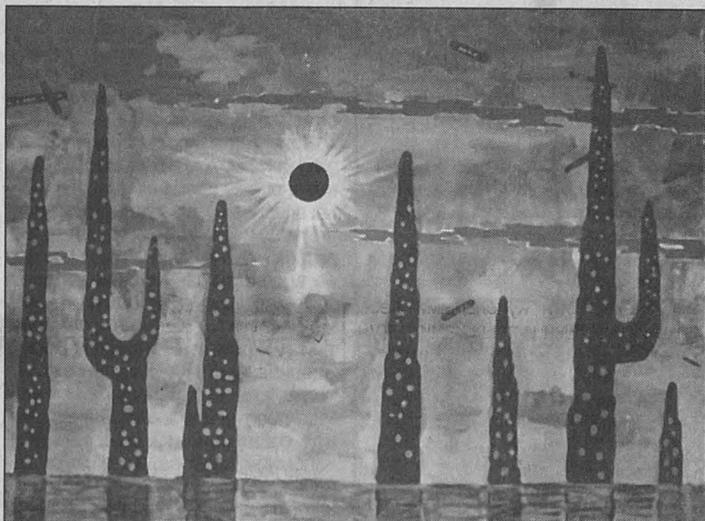
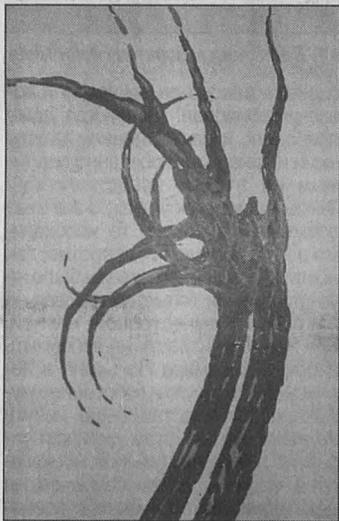

Танкист из Лианозова

Рубльчурга. — 2001 — 25 ноября. — 1 стр. — с. 10
Ранний Николай Вечтомов на Крымском Валу

Слева: Н. Вечтомов. "Фокусник". 1962 г. Справа: "Город черного солнца". 1960 г.

Выставка "Николай Вечтомов. Поиски жанра" завершает собой многокилометровую анфиладу залов ГТТ на Крымском Валу. Или начинается ее, если входить в экспозицию с другой стороны. Рядом с дверью, на стене — большое черно-оранжевое полотно: прямоугольники, однозначно вызывающие в памяти советские спальные районы, пустынная местность. Но подойдем, прочитаем этикетку: "Дорога". И бродят по ней некие роботолюди, и в небе выются черненькие босховские чертики... Дорога, ведущая куда? Или откуда?..

Николай Вечтомов родился в 1923 году в семье известного скрипача Евгения Вечтомова. С началом Великой Отечественной войны был мобилизован, направлен в Саратовское танковое училище. Двадцатилетним командиром танка попал в самое пекло Сталинградской битвы. Дальше — окружение, плен, череда концлагерей для военнопленных. Сыпной тиф, побег из лагеря, снова побег... Будущий художник пробирается в Прагу, несколько месяцев скрывается у давно эмигрировавших родственников, затем отправляется на поиски партизан, присоединяется к небольшому отряду, снова воюет. После войны — советские сборно-формировочные пункты для перемещенных лиц, полугодичное ожидание выдачи паспорта. Наконец, в 1946 году двадцатитрехлетним, но много повидавшим человеком Николай Вечтомов поступает в Московское городское художественное училище на один курс с Владимиром Немухиным, Лидией Мастерковой и Михаилом Рогинским...

Выставка почти не показывает

"классического", "музейного" Вечтомова: перед нами — действительно "Поиски жанра", работы конца 1950-х — начала 1960-х годов. Времена "оттепели". Времена, когда послевоенный энтузиазм сменился обостренным чувством фальши и неискренности официального искусства. Времена поисков иных путей.

В начале 50-х Вечтомов знакомится с Евгением и Львом Кропивницкими, приводит к ним своих однокурсников по училищу — Владимира Немухина и Лидию Мастеркову. Так складывается знаменитая Лианозовская группа — первое сообщество московского неофициального искусства.

С самого момента своего возникновения русский революционный авангард занимался вопросами глобальными, а именно — "отречением от старого мира", разрушением "до основания" во имя созидания. Советский андеграунд эпохи "оттепели" подхватил прерванную миссию, предаваясь вслед за западной художественной культурой то абстракции, то сюрреализму, то поп-арту, но не забывая и о главном: ощущении мироздания, родственном мифу. Ведь мифологическое сознание ради обновления и продолжения жизни требует разрушения "старого мира", глобального катаклизма, за которым должен последовать акт нового созидания, мощный творческий выброс.

Глядя на работы Вечтомова, понимаешь, что разрушение старого, "академического" космоса уже состоялось. (Неслучайно в центре экспозиции — монументальный "Реквием": черное и красное.) Нас окружа-

ет мир странный, "переходный". Здесь мерцают астероиды, зияют "Черные дыры", над городом светит "Черное солнце", в пустоте висит "Красная луна". В небе летают "Камни с дыркой", а птицы превращены в детали конструктора. Совсем по Чехову: "...Все жизни, свершив печальный круг, угасли.... Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто"...

В этом-то неудовольственном мире, между Хаосом и Космосом, и оказывается demiurge периода "оттепели". И упорно разглядывает пробивающиеся зародыши новой жизни. То органические эмбрионы, похожие на амёбы. То "Живые формы" — клеточные структуры, хранители старых (или мутантных?) генов. То фрагменты индустриальных конструкций, то города-кактусы: самодостаточные растительные дома, живущие без людей... Похоже, что Творец начала 60-х не хочет властвовать над Творением. Его задача — пристально рассматривать самозорождающееся будущее, гадать — какой же из зародышей окажется "тем самым"; какая из первоформ в конце концов эволюционирует в "нового Адама", станет венцом Творения?..

Жаль, что период "оттепели" оказался столь кратким. Эксперимент был прерван... Практически все собранные на выставке работы не превратились в большие полотна, так и остались "наблюдениями" и "поисками". Черно-красная лакированная живопись "зрелого" Вечтомова, сформировавшаяся в это время, — это уже и совсем другая история, и другая мифология...

Яна ЛАГУЗИНСКАЯ